

Оценка распространенности насилия в России с помощью ретроспективного опроса молодежи

Волкова Е.Н.

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Волкова И.В.

ФГБУ «Российская академия образования» (ФГБУ РАО), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3531-7257>, e-mail: atrila@mail.ru

Исаева О.М.

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ») г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0926-5182>, e-mail: oisaeva@hse.ru

Цель. Оценка распространенности насилия среди детей, родившихся в России в 1980-е годы, в начале и конце 1990-х годов, с помощью ретроспективного опроса молодежи.

Контекст и актуальность. Оценка распространенности насилия над детьми представляет собой не решенную до конца научную и методическую проблему. Существуют разногласия в подходах к оценке распространенности насилия, в интерпретации полученных результатов. Однако главной является проблема надежных измерительных инструментов. Многие исследования показывают широкую вариативность в оценке распространенности и даже в сравняемых параметрах; еще большие расхождения возникают, если речь идет о выявлении факторов и последствий насилия над ребенком. Такая широкая вариативность оценок связывается с недостаточным качеством самих измерительных инструментов и процедур исследования.

Дизайн исследования. В работе анализировались данные о распространенности насилия у «постсоветских детей», «детей 90-х» и «детей 21 века». Наличие и характер взаимосвязи проверялись с помощью методов математической статистики (корреляционный анализ и анализ значимости различий).

Выборка. Выборка исследования состояла из 537 человек в возрасте от 18 до 24 лет ($M=20,23$, $SD=1,84$), проживающих на территории Российской Федерации. Выборка респондентов 2006 года включала в себя 144 человека (25,7% мальчиков, 74,3% девочек), 2012 года – 203 человека (36,4% мальчиков, 63,6% девочек), 2018 года – 190 человек (35,7% мальчиков, 64,3% девочек).

Методы. Международный опросник ICAS-T-R (ICAS-T-Retrospective) (в адаптации Е.Н. Волковой, О.М. Исаевой).

Результаты. Сравнительный анализ распространенности насилия у «детей 21 века», «постсоветских детей» и «детей 90-х» показал, что между этими группами наблюдается скорее сходство, чем различия в выраженности видов, форм насилия и частоты их встречаемости

(за исключением случаев сексуального насилия, процент случаев которого значительно снижается от 2006 года исследования к 2018 году).

Основные выводы. Ретроспективный опрос молодежи с помощью ICAST-R позволяет оценить распространенность насилия среди детей, а также состояние системы защиты детей от насилия и содержание общественных представлений в отношении насилия над детьми.

Ключевые слова: ICAST-R, ретроспективный опрос, распространенность насилия, насилие над детьми.

Для цитаты: Волкова Е.Н., Волкова И.В., Исаева О.М. Оценка распространенности насилия в России с помощью ретроспективного опроса молодежи // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 166–182. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120210>

Prevalence of Violence Estimation in Russia through a Retrospective Youth Survey

Elena N. Volkova

Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, St. Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Irina V. Volkova

Russian Academy of Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3531-7257>, e-mail: atril@mail.ru

Oksana M. Isaeva

National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0926-5182>, e-mail: oisaeva@hse.ru

Objective. *Estimating the prevalence of violence among children born in Russia in the 1980s, in the early 1990s and in the late 1990s using a retrospective youth survey.*

Background. *Assessing the prevalence of a child abuse is an unresolved scientific and methodological problem. There are disagreements in approaches to assess the prevalence of violence, in interpreting the results. However, the main problem is the problem of reliable measuring instruments. Many studies show a wide variability in estimating prevalence and even in compared parameters; even greater discrepancies arise when it comes to identifying the factors and consequences of child abuse. Such a wide variability of estimation is associated with the insufficient quality of the measuring instruments and research procedures themselves.*

Study design. *The sampling analyzed data on the prevalence of violence among “post-Soviet children”, “children of the 90s” and “children of the 21st century”. The presence and nature of the relationship was checked using methods of mathematical statistics (correlation analysis and analysis of the significance of differences).*

Participants. *The study sample consisted of 537 people aged 18 to 24 years ($M=20.23$, $SD=1.84$) living in the Russian Federation. The 2006 sample of respondents included 144 people (25,7% of boys, 74,3% of girls), 2012 – 203 people (36,4% of boys, 63,6% of girls), 2018 – 190 people (35,7% of boys, 64,3% of girls).*

Measurements. *International Questionnaire ICAST-R (ICAST-Retrospective) (adapted by E.N. Volkova, O.M. Isaeva).*

Results. *A comparative analysis of the prevalence of violence among “children of the 21st century”, “post-Soviet children” and “children of the 90s” showed that there is more similarity between these groups than differences in the severity of types, forms of violence and their frequency of occurrence*

(with the exception of cases of sexual violence, the percentage of cases of which is significantly reduced from the 2006 study to the 2018th year).

Conclusions. *A retrospective survey of young people using ICAST-R allows you to assess the prevalence of violence among children, as well as the state of the child protection system from violence and the content of public perceptions regarding child abuse.*

Keywords: *ICAST-R, retrospective survey, prevalence of violence, child abuse.*

For citation: Volkova E.N., Volkova I.V., Isaeva O.M. Prevalence of Violence Estimation in Russia through a Retrospective Youth Survey. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 166–182. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120210> (In Russ.).

Введение

В конце XX—начале XXI веков крупнейшие международные организации провели серию масштабных исследований, связанных с проблемой насилия и жестокого обращения с детьми. Результаты этих исследований были обобщены в серии докладов [4; 9], материалы которых позволили оценить качество жизни детей в разных странах, угрозы и риски их физическому, личностному и социальному развитию. В качестве критерия такого сравнения выступали данные о распространенности насилия над детьми, которые, по сути, позволяли получить ответ на вопрос об уровне благополучия жизни в стране не по традиционному принятым критериям экономической активности и эффективности деятельности, а по критерию благополучия детей, прогнозирующему перспективы развития того или иного общества.

Сегодня оценка распространенности насилия над детьми также используется многими организациями для определения эффективности применяемых мер улучшения качества жизни. Распространенность насилия над детьми в последнее время все чаще включается в качестве самостоятельного критерия и в различные программы международного мониторинга. Например, в данных PISA — Международной программы до-

стижений учащихся — приводятся сведения о распространенности буллинга — школьной травли, что в сопоставлении с результатами академических достижений детей фактически показывает психологическую цену этих успехов [8].

Многие государства, особенно подписавшие Конвенцию о правах ребенка, используют оценку распространенности насилия как многоплановую и систематическую основу для разработки стратегии в развитии системы защиты детей. Результаты сравнительного анализа распространенности насилия, отслеживаемые на протяжении времени, позволяют оценить эффективность усилий деятельности государства в обеспечении права ребенка на полноценную жизнь и динамику благополучия детей в стране.

Однако оценка распространенности насилия над детьми представляет собой не решенную до конца научную и методическую проблему. Существуют разногласия в подходах к оценке распространенности насилия, в интерпретации полученных результатов. Однако главной проблемой является проблема надежных измерительных инструментов. Многие исследования показывают широкую вариативность в оценке распространенности и даже в сравниваемых параметрах [14; 15; 16]. Еще большие расхождения возникают, если речь идет о выявлении факторов и последствий на-

силы над ребенком [13]. Такая широкая вариативность оценок связывается авторами, в первую очередь, с недостаточным качеством самих измерительных инструментов и процедур исследования.

Один из самых популярных современных подходов в изучении распространенности насилия над детьми состоит в опрашивании молодежи о событиях, которые происходили в их недавнем детстве [14; 18]. Ретроспективная самооценка, анонимный рассказ взрослого человека об опыте пережитого насилия признается исследователями одним из наиболее эффективных способов сбора данных. Использование ретроспективных вопросов получило такое признание потому, что люди часто хорошо помнят ключевые события своей жизни, особенно если эти события были эмоционально окрашены. Переживания, сопровождающие то или иное событие, а также повторяемость событий или действий — это важные условия перехода информации из кратковременной памяти в долговременную [1]. Ситуации насилия, безусловно, являются таковыми.

Многие ретроспективные опросники оценки насилия, опубликованные сегодня, весьма различаются друг от друга по количеству и специфике предлагаемых вопросов, процедуре проведения опроса и целевой группе, на которую они ориентированы [17; 19]. Преимущества и ограничения этих опросников, представленные в публикациях [3; 12], были учтены при разработке международного измерительного инструмента — ретроспективного опросника для оценки распространенности насилия над детьми ICASST-R. Этот опросник был разработан международной исследовательской группой в 2006 году при поддержке международного общества по предотвращению насилия и жестокого обращения

с детьми (ISPCAN). Специалисты более 30 стран приняли участие в обсуждении общей структуры и содержания опросника. Опросник включает в себя 26 вопросов, объединенных в четыре раздела: общая информация о респонденте, вопросы относительно физического, эмоционального и сексуального насилия. Одним из важных отличий является то, что этот опросник фокусируется на относительно небольшом числе показателей поведенческих проявлений, наиболее типичных в различных культурах. Второе важное отличие заключается в том, что контекст неблагоприятных событий, например, разница в возрасте между агрессором и жертвой или социальная обстановка, в которой происходят события, не используется для оценки насилия. Эти обстоятельства делают ретроспективный опросник ICASST-R удобным инструментом для проведения так называемых панельных исследований, совмещающих в себе преимущества социально-психологического анализа и социально-управленческого мониторинга.

Данная статья представляет собой попытку изучения эффективности системы защиты детей в Российской Федерации с помощью ретроспективного анализа. **Целью нашего исследования** являлась оценка распространенности насилия среди детей, родившихся в России в 1980-е годы, в начале и конце 1990-х годов, с помощью ретроспективного опросника ICASST-R.

Целевые группы исследования были сформированы нами следующим образом.

Первая группа респондентов, заполнявших опросник в 2006 году, — это респонденты, рожденные в восьмидесятих годах (1982—1988 г.р.), детство которых пришлось на годы распада Советского Союза, развала сильной государственной системы защиты детства.

90-е годы двадцатого века были сложным периодом в жизни нашей страны. Трансформация социально-экономических и общественных отношений резко снизила уровень жизни населения, скачкообразно возросли потребительские цены, снизились реальные доходы населения. Сложная социально-экономическая ситуация не могла не отразиться на институте семьи, системе образования, здравоохранения и вследствие этого на положении детей. В этот период резко сократилось число браков, увеличилось число разводов. Сформировалась устойчивая тенденция рождения детей вне семьи и брака, роста количества детей, растущих без родителей (социальные и фактические сироты), а также детей-отказников, то есть детей, которых матери по тем или иным причинам оставили в родильных домах. Общая ситуация произвола и криминогенная обстановка стимулировали рост преступлений в отношении детей.

В этих условиях правительством разрабатывались экономические и социальные программы, а также комплекс неотложных мер, направленных на выход России из кризиса. Среди основных стоит отметить законодательные меры в области семьи и детства. Так, в начале 90-х годов были приняты закон «О дополнительных мерах по охране материнства и детства» (1992 г.), Указы Президента Российской Федерации «О мерах по социальной поддержке многодетных семей», «О первоочередных мерах по реализации Всемирной декларации об обеспечении выживания и развития детей в 90-е гг.» [5; 6; 7]. В 1994 году была утверждена федеральная программа «Дети России» [2]. В ноябре 1995 г. был принят Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения Российской Федерации», который стал

основой законодательной базы в сфере социальной защиты населения [5; 6; 7]. С принятием Концепции развития социального обслуживания населения в Российской Федерации (август 1993 г.) произошел переход к системе социальной защиты, принятой в европейских странах.

Включение России в мировое сообщество в начале 90-х годов стимулировало всплеск общественной активности и волонтерского движения. Появилось большое число общественных организаций, работающих с детьми. Основными принципами работы специалистов-педагогов, психологов, педиатров, социальных педагогов, инспекторов по делам несовершеннолетних стали принципы активности и ответственности, консолидации усилий. Все это позволило осваивать и разрабатывать эффективные практики работы с детьми, подростками и молодежью. В начале 90-х годов двадцатого века существовало свыше 340 организаций, занимавшихся проблемами детства по всей России. Эти организации существенно различались по своим целям, задачам, организационной структуре, направлениям деятельности. Как правило, данные организации были созданы либо родителями детей с особым (часто неблагополучным) развитием, либо профессионалами, которые ежедневно сталкивались с проблемами ребенка и не могли их решить в рамках функционала деятельности государственной организации. В этот период закладывались основы эффективного социального партнерства между государством и обществом для обеспечения прав каждого ребенка на полноценную жизнь. По вопросам защиты прав детей Россия в 90-х годах XX века сделала большой шаг вперед, ратифицировав Конвенцию ООН о правах ребенка. В России были

признаны гуманистические принципы в отношении прав детей, как и во всем демократическом мире. В соответствии с этим были разработаны и внесены поправки в Семейный кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, принят Федеральный закон о гарантиях прав ребенка [5; 6; 7].

Однако в полной мере реализацию данных правительственных начинаний можно было почувствовать только к концу 90-х годов.

Вторая группа респондентов, заполнявших опросник об опыте пережитого в детстве насилия в 2012 году, — это группа детей, рожденных в 1988–1994 гг., детство которых проходило на рубеже веков.

В этот период произошла серьезная модернизация систем образования, здравоохранения, поддержки ребенка, находящегося в трудных жизненных условиях. Система социального обеспечения была заменена системой социальной защиты, которая позволяла достаточно оперативно реагировать на проблемы детства, возникающие в процессе трансформации рыночных отношений. В этот период в Российской Федерации получили развитие новые учреждения: центры психолого-педагогической помощи семье и детям, социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, реабилитационные центры для детей и подростков с ограниченными возможностями и многие другие.

Третья группа испытуемых — это юноши и девушки, заполнявшие опросник в 2018 году, рожденные в конце 90-х, начале 2000-х гг. (1994–2000 г.р.), чье детство пришлось на начало 21 века.

Это время системной работы по профилактике насилия и жестокого обращения в отношении детей: вступают в силу федеральные законы, создаются и полноценно работают национальные

фонды, реализуются национальные программы, а также функционируют некоммерческие организации, призванные обеспечить счастливое детство. Проводится обучение специалистов навыкам выявления детей, пострадавших от насилия, реагирования на выявленные случаи, а также оказания поддержки им. Активно действует общенациональная информационная кампания по противодействию жестокому обращению с детьми, в ходе которой проводится просвещение населения, в том числе об ответственности за применение насилия над детьми, о деятельности различных социальных служб и учреждений, служб экстренной помощи детям и семьям. Совместными усилиями Уполномоченного по правам ребенка при Президенте Российской Федерации, Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и Национального фонда защиты детей от жестокого обращения в сентябре 2010 г. открывается единая для России линия детского телефона доверия [2; 7; 10; 11].

Первое десятилетие XXI века отмечено в России принятием Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы, и на основе достигнутых результатов 2018–2027 годы объявлены в России Десятилетием детства. Это, несмотря на широкий круг задач, которые еще предстоит решить, несомненно, уникальное социальное достижение.

В представленной статье в соответствии с периодами развития системы защиты детей в новейшей истории России мы хотели бы представить результаты сравнительного исследования распространенности насилия над детьми в трех группах:

- среди родившихся в России в 1980-е годы и еще ощутивших на себе достижения советской системы защиты детства (группа «постсоветские дети»);

- среди родившихся в начале 1990-х годов, в самый сложный период социальных и экономических потрясений российского общества (группа «дети 90-х»);

- среди родившихся в конце 1990-х— начале 2000-х годов, чье детство пришлось на период своеобразного ренессанса в развитии системы защиты детей (группа «дети начала XXI века»).

Метод

Схема проведения исследования. Респонденты заполняли ретроспективный опросник пережитого в детстве насилия.

Выборка исследования. Выборка исследования состояла из 537 человек в возрасте от 18 до 24 лет ($M=20,23$, $S=1,84$), проживающих на территории Российской Федерации. В ходе исследования мы учитывали результаты, собранные в 2006, 2012 и 2018 годах. Выборки были сопоставимы по количеству, полу, статусу респондентов. Выборка респондентов 2006 года включала в себя 144 человека (25,7% молодых людей, 74,3% девушек), 2012 года — 203 человека (36,4% молодых людей, 63,6% девушек), 2018 года — 190 человек (35,7% молодых людей, 64,3% девушек). 310 (89,3%) респондентов закончили 11 классов, 36 (10,4%) — 9 классов, 1 (0,2%) имеет только начальное образование. 60 (11,2%) человек проживают в селе или деревне, 195 (36,4%) — в маленьком городе, 260 (48,5%) — в большом городе, 21 (3,9%) человек выбрали категорию «Другое». 78 респондентов (14,5%) работают полный рабочий день, 128 (23,8%) — работают неполный день, 19 (3,5%) — работают, но не получают зарплату, 312 человек (58,1%) не работают. 1 (0,2%) человек учится в школе,

лицее или гимназии, 5 (0,9%) человек учатся в техникуме или колледже, 517 (96,3%) — учатся в университете, 14 (2,6%) — не получают никакого образования в момент опроса.

Методы исследования. Для исследования среди молодежи 18—24 лет опыта пережитого в детстве насилия нами был использован международный опросник ICAST-R (ICAST-Retrospective). Опросник был разработан сотрудниками Университета г. Брисбан, Австралия (Queensland University of Technology, Brisbane, Australia) под руководством профессоров М. Дунном (Michael P Dunne) и Б. Макфарлэном (Bonnie Macfarlane) в 2006 году и адаптирован к российским условиям Е.Н. Волковой, О.М. Исаевой [3; 12].

Результаты

Данные о распространенности насилия среди детей и подростков, полученные путем ретроспективного опроса молодежи в 2006, 2012, 2018 годах, представлены на рисунке и в табл. 1.

Как показывают результаты проведенного исследования, самым распространенным видом насилия во всех трех выборках является физическое насилие: 71,9% участвующих в исследовании «постсоветских детей», 53,2% «детей 90-х» и 66,8% «детей 21 века» сообщают о фактах физического насилия в отношении себя.

Эмоциональное насилие распространено чуть меньше, чем физическое насилие, но процент его значительный во всех трех группах. Две трети «постсоветских детей» (66,0%), 45,3% «детей 90-х» и 66,3% «детей 21 века» отметили, что испытывали различные формы эмоционального насилия.

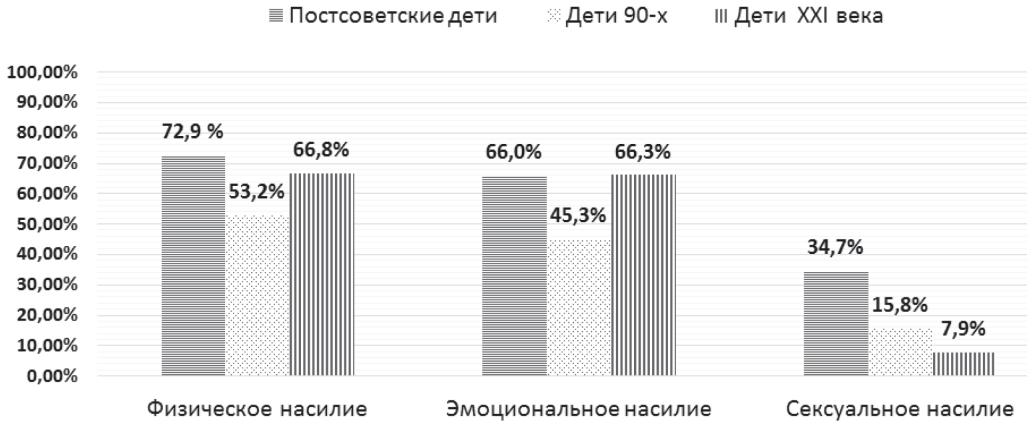

Рис. Распространенность видов насилия среди детей и подростков (на основе анализа данных 2006, 2012 и 2018 годов)

Таблица 1
Распространенность различных видов насилия среди детей и подростков
 (на основе анализа данных 2006, 2012 и 2018 годов)

Виды насилия	«Постсоветские дети» (выборка 2006 г.) (%)			«Дети 90-х» (выборка 2012 г.) (%)			«Дети 21 века» (выборка 2018 г.) (%)			Значение критерия и достоверность различий		
	Мальчики N=37	Девочки N=107	Всего N=147	Мальчики N=74	Девочки N=129	Всего N=203	Мальчики N=68	Девочки N=122	Всего N=190	χ^2 (df)	p	Зн.
Физическое насилие	75,7	71,9	72,9	63,5	47,3	53,2	77,9	60,6	66,8	6,17(2) 20,8(2) 23,2(2)	0,045 <0,001 <0,001	* *** ***
Эмоциональное насилие	48,6	71,9	66,0	47,3	44,2	45,3	69,1	64,7	66,3	8,24(2) 24,8(2) 25,8(2)	0,016 <0,001 <0,001	* *** ***
Сексуальное насилие	16,2	41,1	34,7	14,8	16,3	15,8	2,9	10,6	7,9	2,22(2) 22,6(2) 23,8(2)	0,321 <0,001 <0,001	НЗ *** ***

Примечание. Значимость различий: НЗ – не значимо ($p > 0,05$); * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

И физическому, и эмоциональному насилию в одинаковой мере подвергались как девочки, так и мальчики.

Наименее распространенным видом насилия среди детей во всех трех

группах является сексуальное насилие: одна треть (34,7%) «постсоветских детей», 15,8% «детей 90-х» и 7,9% «детей 21 века» были жертвами сексуального насилия. При этом сексуальному на-

силению чаще подвергаются девочки ($\chi^2(1)=8,2335$, $p=0,004$), физическому – мальчики ($\chi^2(1)=7,7494$, $p=0,005$). Частота встречаемости случаев сексуального насилия в группе «детей 21 века» меньше, чем у «постсоветских детей» и «детей 90-х» ($\chi^2(2)=23,88$, $p<0,001$).

Как показывают результаты табл. 2 и табл. 3, наиболее распространенными формами физического насилия у детей являются удары по телу рукой и ногой. Причем если девочек в выборке 2006 года ударили рукой несколько чаще, чем мальчиков (65,4% против 62,1%, $\chi^2(1)=0,017$, $p=0,8959$), то в выборке

Таблица 2

**Распространенность различных форм насилия среди детей и подростков
(на основе анализа данных 2006, 2012 и 2018 годов)**

Формы насилия	«Постсоветские дети» (выборка 2006 г.) (%)		«Дети 90-х» (выборка 2012 г.) (%)		«Дети 21 века» (выборка 2018 г.) (%)	
	Мальчики N=37	Девочки N=107	Мальчики N=74	Девочки N=129	Мальчики N=68	Девочки N=122
Физическое насилие						
Удары по телу (рукой)	62,1	65,4	60,8	40,3	70,6	51,6
Удары по телу (ногой)	40,5	21,5	17,6	8,5	27,9	14,7
Удары по телу с помощью предмета (палка, розги...)	16,2	28,0	20,3	19,4	36,8	33,6
Тряска	8,1	7,5	5,4	3,9	22,0	17,2
Порезы ножом или острым предметом	8,1	7,5	9,4	3,1	16,2	7,4
Эмоциональное насилие						
Оскорбление, критика	48,6	67,3	41,9	39,5	63,2	56,5
Произнесение слов «не люблю»	8,1	8,4	8,1	11,6	2,9	7,4
Произнесение фраз «Чтоб ты не родился» или «умер»	5,4	6,5	4,0	10,1	2,9	4,9
Угрозы убить ребенка	21,6	17,	16,2	9,3	20,6	16,4
Угрозы бросить ребенка или выгнать его из дома	2,7	0,0	6,7	6,9	2,9	6,5
Сексуальное насилие						
Экзгибционизм	10,8	26,2	10,8	10,8	2,9	6,5
Позирование обнаженным	2,7	4,6	1,3	0,0	1,5	0,0
Ощупывание интимных частей ребенка	10,8	19,6	8,1	4,6	1,5	3,3
Принуждение к ощупыванию интимных частей другого человека	8,1	8,4	2,7	1,5	1,5	3,3
Изнасилование	8,1	3,7	2,7	1,5	1,5	1,6

ках 2012 и 2018 гг. мальчики становятся жертвами данных форм физического насилия чаще девочек ($\chi^2(1)=4,84757$, $p=0,02769$; $\chi^2(1)=5,6977$, $p=0,01699$). Во всех трех выборках удары по телу рукой чаще всего встречаются у детей возраста 5–13 лет, удары по телу ногами — в возрасте 10–13 лет.

Интересен рост такой формы физического насилия, как тряска, у «детей 21 века» в сравнении с «постсоветскими детьми» и «детьми 90-х»: 22,0% мальчиков и 17,2% девочек в выборке 2018 года сообщают об этом. При этом процент детей, переживших тряску в возрасте до 5 лет, в выборках 2012 и 2018 гг. равен нулю, а в выборке 2006 года крайне мал — составляет 9,0%.

Самыми типичными формами эмоционального насилия являются оскорбления и критика детей: от одной до двух третьих всех детей, принявших участие в исследовании в разные периоды, столкнувшиеся с эмоциональным насилием в отношении себя, отмечают это. Наиболее часто данная форма на-

силия встречается в отношении детей 10–13 лет: 48,9% «постсоветских детей», 43,9% «детей 90-х» и 43,7% «детей 21 века» отметили это.

Второй по частоте встречаемости формой эмоционального насилия является угроза убить ребенка. В возрасте 10–13 лет, по данным опроса респондентов во всех трех выборках, данная форма насилия встречается чаще всего. При этом различия по полу для этой формы насилия не значимы ($\chi^2(1)=1,8421$, $p=0,1747$).

Экзгибационизм и ощупывание интимных частей ребенка — самые распространенные формы сексуального насилия. Девочки 14–18 лет чаще, чем мальчики, становятся жертвами такой формы насилия, как «ощупывание интимных частей ребенка». Изнасилование, как самая крайняя форма сексуального насилия, чаще всего встречается у детей в возрасте 14–18 лет. Все респонденты в выборке 2012 и 2018 годов отметили, что позировали обнаженными, находясь в возрасте до 5 лет.

Таблица 3
Распространенность форм насилия в соответствии с возрастом детей

Формы насилия	2006				2012				2018			
	до 5 лет	5–9 лет	10–13 лет	14–18 лет	до 5 лет	5–9 лет	10–13 лет	14–18 лет	до 5 лет	5–9 лет	10–13 лет	14–18 лет
Физическое насилие (% от числа переживших конкретную форму насилия)												
Удары по телу (рукой)	10,7	36,5	35,4	19,3	6,2	49,4	22,6	22,6	1,8	47,7	37,8	12,6
Удары по телу (ногой)	2,63	28,9	50,0	23,6	0,0	33,3	33,3	33,3	2,7	24,3	40,5	32,4
Удары по телу с помощью предмета	13,9	52,7	30,5	8,3	2,5	65,0	25,0	7,5	3,0	68,1	22,7	6,0
Тряска	9,1	9,1	45,4	45,4	0,0	44,4	11,1	44,4	0,0	30,5	44,4	25,0
Порезы ножом или острым предметом	0,0	9,1	27,2	63,6	0,0	0,0	27,2	36,3	5,0	10,0	30,0	55,0

Формы насилия	2006				2012				2018			
	до 5 лет	5–9 лет	10–13 лет	14–18 лет	до 5 лет	5–9 лет	10–13 лет	14–18 лет	до 5 лет	5–9 лет	10–13 лет	14–18 лет
Эмоциональное насилие (% от числа переживших конкретную форму насилия)												
Оскорбление, критика	1,1	13,3	48,9	37,7	2,4	25,6	43,9	28,0	7,1	26,8	43,7	22,3
Произнесение слов «Не люблю»	0,0	8,3	66,6	33,3	4,7	19,0	33,3	33,3	0,0	0,0	63,6	36,3
Произнесение фраз «Чтоб ты не родился» или «умер»	0,0	11,1	66,6	22,2	25,0	25,0	37,5	12,5	0,0	25,0	25,0	50,0
Угрозы (сделать больно, убить ребенка)	0,0	7,4	25,9	62,9	8,3	8,3	12,5	70,8	5,8	32,3	17,6	44,1
Угрозы бросить ребенка или выгнать его из дома	0,0	0,0	0,0	0,0	21,4	14,3	14,3	42,8	8,5	25,7	34,3	31,4
Сексуальное насилие (% от числа переживших конкретную форму насилия)												
Экзгибиционизм	15,6	21,8	40,6	6,2	4,5	18,2	27,2	45,4	30,0	50,0	10,0	10,0
Позирование обнаженным	0,0	50,0	33,3	16,6	100,0	0,0	0,0	0,0	100,0	0,0	0,0	0,0
Ощупывание интимных частей ребенка	0,0	16,0	28,0	52,0	0,0	8,3	0,0	66,6	20,0	0,0	20,0	60,0
Принуждение к ощупыванию интимных частей другого человека	0,0	25,0	25,0	41,6	0,0	0,0	0,0	75,0	20,0	20,0	0,0	60,0
Изнасилование	0,0	14,3	28,5	57,1	0,0	0,0	0,0	100,0	33,3	0,0	0,0	66,6

Проведенное исследование показало, что около половины всех его участников (46,53% респондентов в выборке 2006 г., 58,62% – в выборке 2012 г. и 51,58% – в выборке 2018 г.) считают, что они испытывали в детстве намного меньше физического и эмоционального насилия, чем другие дети, и около 20% детей считают, что примерно также, как другие. При этом преобладающее большинство молодежи, пережившей насилие в детстве (71,6% «постсоветских детей», 82,7% «детей 90-х» и 76,8% «детей 21 века»),

воспринимает факты насилия как справедливые, дисциплинарные моменты воспитания, неспециальные действия взрослых по отношению к ним.

Если молодой человек, переживший насилие в детстве, считает, что это было несправедливо и случалось с ним чаще, чем с другими детьми, можно предположить, что он страдает от травмы, вызванной насилием. От травмы, полученной из-за эмоционального насилия, страдают 15,3% «постсоветских детей», 6,9% «детей 90-х» и 17,3% «детей XXI века» (разли-

чия значимы, $\chi^2(2)=10,647$, $p=0,004875$; см. табл. 4). От травмы, полученной из-за физического насилия, страдают 8,33% «постсоветских детей», 4,4% «детей 90-х» и 7,89% «детей XXI века» (различия не значимы, $\chi^2(2)=2,7151$, $p=0,2573$). Кроме того, можно отметить, что «дети 90-х» меньше страдают от травм, чем «постсоветские дети» и «дети XXI века».

Обсуждение результатов

Показатель распространенности насилия над детьми представляет собой один из важных индикаторов дееспособности системы защиты детства во многих странах мира. В начале 2000-х годов научное сообщество психологов, врачей, педагогов, юристов разработало измерительные инструменты группы ICAST для оценки распространенности насилия над детьми [20]. Культурная адаптация, апробация инструментов и пилотажные исследования в восьми государствах мира, включая Россию, показали хорошие измерительные возможности этих инструментов. В настоящее время проводятся исследования на основе опрос-

ников группы ICAST; сравнение результатов этих исследований показывает распространенность различных видов насилия над детьми в разных странах. Актуальное состояние распространенности насилия над детьми, зафиксированное в нашем исследовании (данные выборки 2018 года), обнаруживает следующие тенденции в сравнении с данными, обнаруженными в других исследовательских выборках, но при использовании инструмента группы ICAST. Распространенность физического насилия над детьми варьируется от 44,4% случаев в Италии до 61,5% случаев в Шри-Ланке. В наших исследованиях эта цифра достигает значения 66,8%. Распространенность эмоционального насилия – 66,3% – превышает значения этого показателя в других исследовательских группах (34,9% в Шри-Ланке, 36,3% в Южной Корее, 40,5% в Турции, 54% в Италии). Распространенность сексуального насилия – 7,89% в нашем исследовании – оказалась ниже, чем в Шри-Ланке (9,7%), в Турции (11%), в Эквадоре (11,5%) и в Италии (15,5%) [12].

Тенденции сходства и различия в оценке распространенности насилия

Таблица 4

Распространенность травмы от пережитого эмоционального и физического насилия

Виды насилия	«Постсоветские дети» (выборка 2006 г.) (%)	«Дети 90-х» (выборка 2012 г.) (%)	«Дети 21 века» (выборка 2018 г.) (%)	$\chi^2(df)$	p	Зн.
Физическое насилие	8,3	4,4	7,9	2,71(2)	0,257	НЗ
Эмоциональное насилие	15,3	6,9	17,3	10,65(2)	0,005	**

Примечание. Значимость различий: НЗ – не значимо ($p>0,05$); * – $p<0,05$; ** – $p<0,01$; *** – $p<0,001$.

чаще всего объясняют особенностями менталитета, условий жизни ребенка и традициями воспитания в той или иной культуре, а также эффективностью системы защиты детей. Признавая факт, что последние десятилетия в России отличались изменениями во всех сферах жизни, мы акцентировали свое внимание на изменениях в системе защиты детства, полагая, что эти изменения по своей широте и глубине превосходили перестройку ментальных структур, системы воспитания и условий жизни ребенка.

В нашем исследовании сравнительный анализ распространенности насилия у «детей 21 века», «постсоветских детей» и «детей 90-х» показал, что между этими группами наблюдается скорее сходство, чем различия в выраженности видов насилия и частоты их встречаемости, за исключением случаев сексуального насилия: процент случаев сексуального насилия значительно снижается от 2006 года исследования к 2018 году с 34,7% до 7,9% соответственно. Несмотря на то, что распространенность случаев сексуального насилия остается значительной, на наш взгляд, эта тенденция отражает рост дееспособности системы защиты детства в новейшей истории России.

Сексуальное насилие над детьми среди других видов насилия считается наиболее тяжелым по своим последствиям и сложным с точки зрения выявляемости и организации адекватной помощи. Снижение случаев сексуального насилия свидетельствует о том, что все элементы системы защиты детей получили импульс к развитию: осведомленность населения о проблеме и способах реагирования на нее, законодательная и нормативно-правовая база, адекватная инфраструктура, информационно-аналитическое обеспечение системы, междисциплинарные модели помощи, служ-

бы экстренного реагирования, система подготовки и повышения квалификации специалистов.

Изменение количества случаев физического и эмоционального насилия в сравниваемых выборках не столь заметно. При этом распространенность и физического, и эмоционального насилия значительная: более половины респондентов сообщили о случаях физического и эмоционального насилия. Можно сказать, что драки, побои, унижения, угрозы являлись и остаются привычным контекстом современной жизни, составляют ее обыденный фон. Высокий уровень физического и эмоционального насилия над ребенком связан, на наш взгляд, с определенным типом российской культуры воспитания, допускающей и даже разрешающей широкое применение физических наказаний, угроз, и в целом высоким уровнем насилия в обществе, в семье, в школе. Эмоциональное насилие и его распространенность тесно связаны с культурными нормами и принятыми способами взаимодействия людей в микро- и макрообществе. Серьезным фактором в распространении являются средства массовой информации и сеть Интернет. Телевизионные фильмы, передачи, социальные сети, компьютерные игры заполнены прямой и неявной пропагандой насилия. Даже реклама транслирует идею обыденности насилия и поэтому допустимости физического и эмоционального ущерба. Можно предположить, что схожие тенденции и высокий уровень физического и эмоционального насилия, зафиксированный в изучении трех групп респондентов, отражают влияние широких общественных установок российского общества и свидетельствуют об общем уровне психологического неблагополучия.

В нашем исследовании обнаружилось, что количество случаев физическо-

го и эмоционального насилия над детьми несколько снижалось от 2006 к 2012 году (физическое насилие снижается с 72,9% до 53,20%; эмоциональное — с 66,0% до 45,3%), но возрастало и достигало прежних цифр в 2018 году исследования. Казалось бы, переходные 90-е годы — сложный период в истории современной России, период становления демократического общества — должны были повлечь за собой непростую жизненную ситуацию, в которой оказались в том числе и дети. Вероятно, так и было. Каждый второй ребенок в стране испытывал на себе физическое (53,3%) и эмоциональное насилие (45,3%). Однако именно дети 90-х оказались в несколько лучшем психологическом положении, чем другие поколения: 77,7% всех детей этой группы отметили, что факты насилия были справедливы в отношении них и являлись дисциплинарными воздействиями, кроме того, у 55,17% детей было ощущение, что били и оскорбляли их намного меньше, чем других.

Россия начала 21 века — это страна с развивающейся системой защиты детства, в которой уже было многое сделано для поддержания благополучия детей. Но именно в 2000-х годах виден рост случаев насилия над ребенком. При этом 22,1% детей воспринимали насилие как несправедливое в отношении себя, не несущее никаких дисциплинарных воздействий. Причин данному факту мы находим несколько.

Во-первых, начало 21 века — время открытости и доступности любой информации, а также целенаправленного привлечения внимания населения к информационному контенту, связанному с темой насилия. Во-вторых, 2000-е годы — это время трансформации ценностей. Не случайно мы обнаруживаем и низкие показатели по сексуальному насилию в

отношении детей. Мы полагаем, что развитие системы защиты детей привело к снижению распространенности этого вида насилия, но при этом произошли и другие изменения: классические формы сексуального насилия уже не воспринимаются подрастающим поколением как насилие, приносящее ущерб физическому и психическому здоровью человека, а рассматриваются в качестве практики обыденной жизни.

Основные выводы

Проведенное исследование — ретроспективный опрос молодежи с помощью ICAST-R — позволило оценить распространенность насилия среди детей и подростков в разные периоды новейшей истории России. Результаты же оценки детского неблагополучия, индикатором которого выступает распространенность насилия и жестокого обращения, позволяют понять характер общественных трансформаций: тенденцию психологического неблагополучия и эмоциональной напряженности у современной молодежи, а также тенденцию к признанию насилия и отдельных его видов как обыденного явления современной жизни.

Существенные перемены обнаружены в распространенности сексуального насилия над детьми. Значительное снижение количества случаев сексуального насилия над детьми свидетельствует об укреплении и развитии системы защиты детства в новейшей истории России.

Вместе с тем анализ результатов показал, что распространенность и физического, и эмоционального насилия над детьми остается относительно неизменной (существует небольшая тенденция снижения), но при этом довольно значительной в количественном выражении на

всем протяжении анализируемого периода времени. Можно предположить, что эти виды насилия не рассматриваются в общественном и профессиональном сознании как особо угрожающие и требующие незамедлительного вмешательства. Между тем физическая и психологическая травматизация составляет основу многих видов деструктивного поведения.

Перспективы дальнейшей работы связаны с проведением популяционного исследования распространенности насилия среди детей и подростков, в котором будет проанализировано влияние пола и возраста ребенка на особенности пережитого им насилия, а также исследования влияния провокативных и превентивных факторов насилия в отношении детей.

Литература

1. *Бабич Н.С., Батыков И.В.* Достоверность социологических опросов потребителей: проблема получения ретроспективной информации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 20. С. 14–18.
2. Благотворительный Фонд «Дети России». [Электронный ресурс]. URL: <https://russiankids.ru> (дата обращения: 03.06.2020).
3. *Волкова Е.Н., Исаева О.М.* Возможности опросника ICAST-R для диагностики пережитого насилия в российских условиях [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. 2014. № 2. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/467> (дата обращения: 03.06.2020).
4. Доклад независимого эксперта для проведения исследования Организации Объединенных Наций по вопросу о насилии в отношении детей [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/61/299> (дата обращения: 03.06.2020).
5. Информационно-правовое обеспечение Гарант. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 03.06.2020).
6. Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовой и научно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/933017008> (дата обращения: 03.06.2020).
7. КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.06.2020).
8. Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся (2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.centeroko.ru/pisa18/pisa2018_pub.html (дата обращения: 03.06.2020).
9. *Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / Под ред. Этьенна Г. Круга и др.* М: Издательство «Весь Мир», 2003. 376 с.
10. Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.siroststvo.ru> (дата обращения: 02.06.2020).
11. Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации [Электронный ресурс]. URL: <https://fond-detyam.ru> (дата обращения: 03.06.2020).
12. *Dunne M.P., Volkova E., Isaeva O. et al.* ISPCAN Child Abuse Screening Tools Retrospective version (ICAST-R): Delphi study and field testing in seven countries // Child Abuse & Neglect. 2009. Vol. 33. No. 11. P. 815–825.
13. *Elliot K., Urquiza A.* Ethnicity, culture and child maltreatment // Journal of Social Issues. 2006. Vol. 62. No. 4. P. 787–809.
14. *Fergusson D.M., Mullen P.E.* Childhood sexual abuse: An evidence-based perspective. Thousand Oaks, CA: Sage Publications Inc, 2009. 144 p.
15. *Finkelhor D.* The international epidemiology of child sexual abuse // Child Abuse and Neglect. 1994. Vol. 18. P. 409–417.

16. Gorey K.M., Leslie D.R. The prevalence of child sexual abuse: integrative review adjustment for potential response and measurement biases // *Child Abuse and Neglect*. 1997. Vol. 21. No. 4. P. 391–398.
17. Hamby S.L., Finkelhor D. Choosing and using child victimisation questionnaires // *Juvenile Justice Bulletin* (March). 2001. P. 1–16.
18. Hardt J., Rutter M. Validity of adult retrospective reports of adverse childhood experiences: Review of the evidence // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2004. Vol. 45. No. 2. P. 260–273.
19. Hulme P.A. Retrospective measurement of childhood sexual abuse: A review of instruments // *Child Maltreatment*. 2004. Vol. 9. No. 2. P. 201–217.

References

1. Babich N.S., Batykov I.V. Dostovernost' sotsiologicheskikh oprosov potrebitel'ei: problema polucheniya retrospektivnoi informatsii [Reliability of consumer polls: the problem of obtaining retrospective information]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2014, no. 20, pp. 14–18. (In Russ.)
2. Blagotvoritel'nyi Fond «Deti Rossii» [Elektronnyi resurs] [Charitable Foundation “Children of Russia”]. URL: <https://russiankids.ru> (Accessed 03.06.2020). (In Russ.)
3. Volkova E.N., Isaeva O.M. Vozmozhnosti oprosnika ICAST-R dlya diagnostiki perezhitogo nasiliya v Rossiiskikh usloviyakh [Elektronnyi resurs] [Opportunities of the ICAST-R questionnaire for diagnosing experienced violence in the Russian context]. *Vestnik Mininskogo universiteta = Herald of the Minin University*, 2014, no. 2. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/467> (Accessed 03.06.2020). (In Russ.)
4. Doklad nezavisimogo eksperta dlya provedeniya issledovaniya Organizatsii Ob"edinennykh Natsii po voprosu o nasilii v otnoshenii detei [Elektronnyi resurs] [Report of the independent expert on the United Nations study on violence against children]. URL: <https://undocs.org/ru/A/61/299> (Accessed 03.06.2020). (In Russ.)
5. Informatsionno-pravovoe obespechenie Garant [Elektronnyi resurs] [Information and legal support of the Guarantor]. URL: <https://base.garant.ru> (Accessed 03.06.2020). (In Russ.)
6. Konsortsium Kodeks. Elektronnyi fond pravovoi i nauchno-tekhnicheskoi dokumentatsii. [Elektronnyi resurs] [Consortium Code. Electronic fund of legal and scientific and technical documentation]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/933017008> (Accessed 03.06.2020). (In Russ.)
7. Konsul'tantPlyus [Elektronnyi resurs] [Consultant Plus]. URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed 03.06.2020). (In Russ.)
8. Mezhdunarodnaya programma po otsenke obrazovatel'nykh dostizhenii uchashchikhsya (2018 g.) [Elektronnyi resurs] [International Student Assessment Program (2018)]. URL: http://www.centeroko.ru/pisa18/pisa2018_pub.html (Accessed 03.06.2020). (In Russ.)
9. Nasilie i ego vliyanie na zdorov'e. Doklad o situatsii v mire [Violence and its impact on health. Report on the situation in the world]. Pod red. Et'enna G. Kruga i dr. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2003. P. 376. (In Russ.)
10. Natsional'nyi fond zashchity detei ot zhestokogo obrashcheniya [Elektronnyi resurs] [Violence and its effects on health. Report on the situation in the world]. URL: <http://www.sirotstvo.ru> (Accessed 03.06.2020). (In Russ.)
11. Fond podderzhki detei, nakhodyashchikhsya v trudnoi zhiznnoi situatsii [Elektronnyi resurs] [Fund for supporting children in difficult situations]. URL: <https://fond-detyam.ru> (Accessed 03.06.2020). (In Russ.)
12. Dunne M.P., Volkova E., Isaeva O. & et al. ISPCAN Child Abuse Screening Tools Retrospective version (ICAST-R): Delphi study and field testing in seven countries. *Child Abuse & Neglect*, 2009. Vol. 33, no. 11, pp. 815–825.

13. Elliot K., Urquiza A. Ethnicity, culture and child maltreatment. *Journal of Social Issues*, 2006. Vol. 62, no. 4, pp. 787–809.
14. Fergusson D.M., Mullen P.E. Childhood sexual abuse: An evidence-based perspective. Thousand Oaks, CA: Sage Publications Inc., 2009. 144 p.
15. Finkelhor D. The international epidemiology of child sexual abuse. *Child Abuse and Neglect*, 1994. Vol. 18, pp. 409–417.
16. Gorey K.M., Leslie D.R. The prevalence of child sexual abuse: integrative review adjustment for potential response and measurement biases. *Child Abuse and Neglect*, 1997. Vol. 21, no. 4, pp. 391–398.
17. Hamby S.L., Finkelhor D. Choosing and using child victimisation questionnaires. *Juvenile Justice Bulletin (March)*, 2001, pp. 1–16.
18. Hardt J., Rutter M. Validity of adult retrospective reports of adverse childhood experiences: Review of the evidence. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2004. Vol. 45, no. 2, pp. 260–273.
19. Hulme P.A. Retrospective measurement of childhood sexual abuse: A review of instruments. *Child Maltreatment*, 2004. Vol. 9, no. 2, pp. 201–217.

Информация об авторах

Волкова Елена Николаевна, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Волкова Ирина Владимировна, главный аналитик, ФГБУ «Российская академия образования» (ФГБУ РАО), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3531-7257>, e-mail: atril@mail.ru

Исаева Оксана Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0926-5182>, e-mail: oisaeva@hse.ru

Information about the authors

Elena N. Volkova, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology, Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Irina V. Volkova, senior analyst, Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3531-7257>, e-mail: atril@mail.ru

Oksana M. Isaeva, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Organizational Psychology, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0926-5182>, e-mail: oisaeva@hse.ru

Получена 05.06.2020

Received 05.06.2020

Принята в печать 08.04.2021

Accepted 08.04.2021